

Чу Хэн нахмурился. Решив, что Чу Бай ему не верит, он сильнее сжал пальцы на его плече:

— Думаешь, я не смогу тебя защитить?

Чу Бай покачал головой и тихо ответил:

— Я просто боюсь... Боюсь опасностей этого мира.

"Я ведь верю тебе. Но боюсь стать обузой, боюсь увидеть тебя раненым. И больше всего страшусь того, что однажды..."

"Ты отдашь за меня жизнь."

Высказать свои страхи вслух Чу Бай так и не осмелился. Он лишь крепче вцепился в рукав Чу Хэна и прошептал:

— Куда бы ты ни отправился, старший брат, и сколько бы времени ни прошло, я буду преданно ждать твоего возвращения. Здесь.

Героический пыл Чу Хэна угас. Глядя на бледное, словно первый снег, лицо Чу Бая, он вспомнил, каким болезненным тот рос с самого детства. Каким бы всемогущим ни был он сам, непредсказуемый мир боевых искусств таил в себе слишком много угроз. Здесь, в тишине и покое, младшему брату было куда безопаснее.

Чу Хэн медленно разжал пальцы и опустил руку. В его груди шевельнулась тоскливая пустота.

— Что ж... Тогда жди меня, — глухо произнес он после долгого молчания.

— Хорошо, — едва слышно отозвался Чу Бай.

Лишь после этих слов к Чу Хэну вернулась прежняя уверенность. Он взмахнул длинным мечом и звонко, во весь голос, провозгласил:

— Мой клинок сокрушит зло и восстановит справедливость на этой земле!

Чу Бай заворуженно смотрел на него, и во взоре его читалась невыразимая печаль.

Уставившись в монитор, режиссер Цзинь не выдержал и восторженно крикнул:

— Снято! Прекрасно!

Цзинь прямо-таки сиял от восторга. А парень-то хорош!

Сначала режиссер списал идеальный первый дубль на чистое везение, но второй прошел так же гладко. Он-то уже приготовился часами муштровать новичка на площадке!

Кто бы мог подумать, что съемки, рассчитанные на весь день, завершатся задолго до наступления вечера.

Объявив о завершении смены, режиссер Цзинь довольно потер руки. Его заросшее щетиной лицо расплылось в довольной улыбке, а щеки порозовели, будто от хорошего вина. Он нетерпеливо схватил сценарий и принялся листать страницы, однако по мере чтения его выразительная физиономия становилась все более хмурой.

Почему у Чу Бая осталось так мало экранного времени? Если актер будет выдавать такой потрясающий результат и дальше, его персонажа снимут за считанные дни!

Стоявший неподалеку сценарист, заметив эту зловещую перемену в лице режиссера, внутренне содрогнулся. Его обожгло недоброе предчувствие, которое тут же подтвердилось.

Режиссер Цзинь поманил его пальцем:

— Сяо Чжан, а ну-ка подойди!

В душе Сяо Чжана все вопило отчаянным протестом. Нет! Только не это! Пожалуйста, только не очередные правки!

Но деваться было некуда. С обреченным видом, еле переставляя ноги, он нехотя потащился к режиссерскому креслу.

— Послушай, — задумчиво произнес Цзинь. — Надо бы расширить роль Чу Бая. Допиши ему еще несколько сцен.

Сяо Чжан застыл с каменным лицом.

В этот момент он ненавидел Чу Бая всей душой. Сценарий и так переписывали несчетное количество раз, и виной тому всегда становился этот несчастный персонаж!

— А может... — предпринял Сяо Чжан отчаянную попытку спастись, — может, мы просто вернем те сцены, которые вырезали раньше?

Режиссер задумался.

— Хм. А что, хорошая мысль. Давай так и сделаем.

Видя, как Цзинь согласно кивает, сценарист едва не разрыдался от облегчения. До чего же тяжела доля пишущей братии!

Если бы правила приличия позволяли, Сяо Чжан прямо сейчас бросился бы наутек, пока в эту взъерошенную режиссерскую голову не взбрела очередная гениальная идея.

Чи Фэйжань еще не подозревал, что экранного времени у него прибавится. Он все еще никак не мог выйти из образа и чувствовал себя глубоко несчастным.

Глядя на его покрасневшие глаза, Жун Цзинь едва сдерживал улыбку — этот мальчик казался ему донельзя милым. Но стоило ему открыть рот, как к ним ураганом подлетел режиссер Цзинь.

— Молодец! — оглушительно гаркнул он, от души хлопнув Фэйжана по плечу. — Мое чутье на таланты просто безупречно! Ха-ха-ха!

Фэйжань, все еще витавший в облаках, покачнулся и едва не полетел на землю. К счастью, Жун Цзинь вовремя перехватил его за талию.

Придержав юношу и ненавязчиво заслонив его собой, Жун Цзинь недовольно нахмурился:

— И при чем тут твое чутье?

Режиссер на секунду опешил, но тут же упрямо вскинул подбородок:

— А при том! Если бы не мое окончательное слово, разве играл бы он Чу Бая?!

Жун Цзинь лишь снисходительно усмехнулся:

— Если бы я его не порекомендовал, тебе вообще не пришлось бы ничего решать.

Режиссеру Цзиню крыть было нечем. Последние дни он только и делал, что воевал со сценаристом. Да и вообще, разве это его забота — кастингом заниматься?

— П-подумаешь! — попытался отыгаться режиссер. — На то у меня и есть кастинг-директор! Я главный режиссер проекта, с какой стати мне самому бегать и искать актеров?

Жун Цзинь одарил его взглядом, полным неприкрытого сарказма.

Поняв, что спор проигран, режиссер Цзинь, словно карикатурный злодей, лишь злобно пригрозил:

— Ну, погоди у меня!

Жун Цзинь увлек за собой растерянного Фэйжаня, оставив режиссера кипеть от злости. Со стороны их уход выглядел невероятно эффектно. Точнее, Жун Цзинь держался безупречно и величаво, а вот Фэйжань едва поспевал за ним, глуповато хлопая глазами.

Юноша во все глаза уставился на своего спутника:

— Брат Жун, так это вы меня порекомендовали?

— Ну конечно, я, — мягко ответил тот.

На этот раз улыбка Жун Цзиня была лишена всякого ехидства. Она светилась искренним теплом. Трудно было сказать, радовался ли он победе над режиссером или же его просто забавляла реакция Фэйжаня.

Чи Фэйжань не находил слов. В его душе бушевал настоящий ураган эмоций.

Сначала он чуть не лишил Жун Цзиня песни, которая должна была возглавить хит-парады. Потом случайно получил от него автограф как преданный фанат. Затем, вдохновившись его фильмами, написал собственные песни. А теперь Жун Цзинь самолично устроил его в «Рыцарские кости»!

Казалось, каждый его шаг в шоу-бизнесе так или иначе вел к этому человеку.

Испытывая смутную вину за ту давнюю историю с плагиатом песни и благоговение перед кумиром, Фэйжань тихо спросил:

— Но... почему?

Светлые глаза Жун Цзиня сощурились от улыбки:

— Потому что сразу понял: ты идеально подходишь на эту роль.

Фэйжань мгновенно залился краской.

Жун Цзинь мысленно подивился тому, как легко смутить его маленького поклонника, и решил перевести тему:

— Когда выходит твой альбом?

— В конце месяца, — стараясь говорить непринужденно, ответил Фэйжань.

Но стоило ему произнести эти слова, как он вспомнил: все треки для мини-альбома он написал под впечатлением от фильмов Жун Цзиня, над которыми к тому же изрядно поплакал. Юношу тут же накрыла волна жгучего стыда, и кончики его ушей предательски запылали.

Заметив, как у того заливаются пунцовым цветом уши, Жун Цзинь тихонько усмехнулся про себя. Неужели он так стесняется разговоров о собственном творчестве?

Впрочем, актер не стал заострять на этом внимание, решив, что парень просто робеет перед своим кумиром.

Шедший чуть позади Чэнь Мэнъян тихонько спросил у Ли Юаня:

— Брат Юань... мы так и будем стоять в стороне?

Ли Юань посмотрел на него как на умалишенного:

— Фэйжань прекрасно ладит с киноимператором Жуном. Зачем нам лезть? Третьими лишними быть?

Чэнь Мэнъян промолчал, но про себя подумал:

"Неужели только мне одному кажется, что во взаимоотношениях Чу Бая и Чу Хэна есть какой-то странный подтекст? Да и словечко «лишние» из уст брата Юаня звучит как-то двусмысленно..."

Не спешил вмешиваться и Чан Хаоцин, который тоже плелся позади. Он во все глаза наблюдал за парочкой, гадая, что же такого Жун Цзинь опять нашептал Чи Фэйжаню.

Почему этот мальчишка снова залился краской?!

И почему у него, менеджера с огромным стажем, улетучились последние остатки веры в благородство Жун Цзиня?

Вообще-то Жун Цзинь за долгие годы карьеры ни разу не был замечен в сомнительных связях. Он вел исключительно целомудренный образ жизни и не крутил романы ни с женщинами, ни с мужчинами.

Чан Хаоцин едва сдерживал дикое желание подбежать к своему подопечному, схватить его за грудки и хорошенько встряхнуть, вскричав прямо в лицо:

"Какого черта ты творишь?! С каких это пор ты стал проявлять такую трогательную заботу о новичках? Ты что, всерьез решил приударить за этим мальчишкой?! Очнись! Даже если у тебя крыша поехала, дождись хотя бы его совершеннолетия!"

В следующую секунду Чан Хаоцин осекся, осознав еще кое-что. Дело было даже не в возрасте Чи Фэйжана.

Дело было в том, что этот ребенок вообще-то мальчик!

Чан Хаоцин лихорадочно перебирал в памяти прошлое, пытаясь вспомнить, выдаывал ли Жун Цзинь хоть когда-нибудь интерес к своему полу.

Может, это у него самого мысли не в ту степь занесло? Стоило увидеть Жун Цзиня рядом с юношей, как воображение тут же нарисовало бог весть что...

Однако, тщательно проанализировав последние десять лет, Чан Хаоцин пришел к шокирующему выводу: его подопечный за все время совместной работы не проявил романтического интереса ни к женщинам, ни к мужчинам.

Конечно, в шоу-бизнесе полно артистов, которые лишь на публике строят из себя одиночек. Но Чан Хаоцин знал подноготную Жун Цзиня как никто другой: тот действительно больше десяти лет жил совершеннейшим бобылем.

Неужели многочасовые сессии в компьютерных играх начисто атрофировали в нем базовые человеческие инстинкты?

Чан Хаоцин даже клубнички ни разу не находил в его ноутбуке...

От этих мыслей менеджеру сделалось не по себе. Неужели великий киноимператор Жун... импотент?

Да нет, бред какой-то.

Он остановился как вкопанный, пытаясь взвесить, какая из перспектив пугает его больше: то, что его лучший друг закончит жизнь в полном одиночестве, или то, что он все-таки латентный

гей, положивший глаз на невинного юношу?

Ответа не было. Оба варианта казались катастрофой.

Как бы Чан Хаоцин ни злился на Жун Цзиня по работе, за эти десять лет они стали не просто коллегами, а самыми близкими друзьями. Он прекрасно знал, что за фасадом невыносимого характера Жун скрывается преданная душа. Если этот упрямец вобьет себе что-то в голову, его уже не переубедить.

Мысль о том, что Жун Цзинь останется один на старости лет, разрывала Чан Хаоцину сердце.

Но мысль о том, что он решил совратить Чи Фэйжана...

Менеджер потер виски и в сердцах пробормотал:

— Вот же бесстыжая рожа!

Ли Юань и Чэнь Мэнъян, оказавшиеся рядом, удивленно уставились на него.

— Ох... — Чан Хаоцин закашлялся, лихорадочно соображая на ходу. — Да я тут... новостную ленту читал. Один блогер совсем страх потерял — вырвал слова из контекста и перевернул все с ног на голову!

Ли Юань и Чэнь Мэнъян понимающе закивали. В наши дни и впрямь хватало недобросовестных писак, готовых на любую подлость ради дешевой популярности.

Но чтобы так искренне и горячо переживать из-за глупой статьи в интернете... Похоже, Великий агент Чан был человеком исключительных моральных принципов и обостренного чувства справедливости!

Пока «борец за справедливость» Чан заметал следы своего минутного порыва, идущий впереди «бесстыдник» Жун Цзинь с улыбкой спрашивал у Чи Фэйжана:

— А твоему старшему брату полагаются какие-нибудь особые привилегии?

Фэйжань растерялся:

— А? Какого рода?

— Ну, например, — Жун Цзинь тихонько рассмеялся, — возможность услышать новые песни раньше всех? Или, скажем, живое исполнение специально для меня?

Чи Фэйжань снова вспомнил, что весь этот альбом родился благодаря фильмам Жун Цзиня, и смутился еще сильнее.

Заметив, как тот очаровательно поджал губы и залился краской, актер уже хотел было перевести все в шутку, чтобы не мучить парня.

Но тут Фэйжань едва слышно прошептал:

— Хорошо... я спою для вас.

<http://bllate.org/book/18265/1753170>